

Мой порочный писатель

Автор:

[Кира Лафф](#)

Мой порочный писатель

Кира Лафф

Я попала в руки опасного человека.Обаятельного, изощрённого и порочного монстра.Но он не бандит, не преступник, не миллиардер, о которых так часто пишут в книгах. Этот человек – Писатель. Гениальный писатель, который играет жизнями людей с такой же лёгкостью, как и персонажами своих романов.Кирилл Миронов. Быть может, вы читали его книги?Я – нет. До той роковой встречи.Встречи, после которой я почувствовала себя героиней его жестокой истории. Безвольной куклой, которая должна исполнять любые прихоти своего Создателя.

Кира Лафф

Мой порочный писатель

Глава 1

Я спешила вверх по эскалатору станции метро «Ломоносовский проспект». Двери у выхода из метро никак не хотели выпускать меня. Как всегда, в конце весны было достаточно прохладно. Сильный ветер, казалось, имел личные счёты с моими волосами и неистово прохаживался по ним своими властными порывами. Я немного поёжилась, поплотнее закутавшись в ветровку. В Москве в конце мая всегда довольно зябко, а солнце не спешит радовать теплом.

Неприветливые прохожие торопливо проталкивались мимо меня. В основном это были студенты, которые, как и я, спешили в университет. Я уже опаздывала на встречу с деканом, поэтому ускорила темп. Декан нашего факультета, активный мужчина с проседью в волосах, возглавлял преподавательский коллектив уже несколько лет. Я не знала точно, для чего он вызвал меня в разгар сессии. В этом году мне как аспиранту второго года доверили принимать экзамены у студентов третьего курса. Я читала им лекции по английской литературе XIX века в течение года. Группа была небольшая, в основном девушки, но и несколько молодых людей периодически радовали нас своим присутствием. С девушками проблем не было, все готовились и исправно посещали пары, а вот один молодой человек никак не хотел вникать в суть моего предмета, постоянно пропускал занятия, а если и удостаивал нас визитом, то демонстративно спал на задних партах, прячась за чёрными солнцезащитными очками.

Конечно, на экзамене, который я принимала два дня назад, он продемонстрировал полное невежество, и я не без удовольствия отправила парня на пересдачу. А что мне ещё оставалось? Если делать поблажки одному, то и остальные студенты расслабятся. Тем более, он настолько вызывающе вёл себя весь год, что делать ему одолжение не было никакого желания. В роли преподавателя я взглянула на учебный процесс по-другому. Оказалось, что стать крутым, задорным и популярным среди студентов преподом, каким я мечтала быть ещё будучи студенткой, не так-то легко.

Зайдя в нужный корпус, я быстро побежала по лестнице на третий этаж и уже через несколько минут с сильно колотящимся сердцем стучалась в дверь кабинета декана.

– Добрый день! Я к Анатолию Степановичу, – сказала я секретарю, жадно глотая воздух.

Секретарь приветливо улыбнулась мне, и я прошмыгнула в кабинет. До сих пор чувствую себя тут вороватой студенткой.

Анатолий Степанович оживлённо разговаривал по телефону:

– Конечно, конечно! Мы очень его ждём! Студенты будут в восторге! Сегодня в 13:00? Да, мы всё подготовим ко встрече. Да, и вам всего доброго!

Он отключился и с довольным видом посмотрел в мою сторону.

– Присаживайтесь, Кира Петровна, я как раз вас жду, – сказал он, расплываясь в улыбке. Так радушно он меня ещё никогда не встречал.

– Как ваша первая сессия в роли преподавателя? – он быстро оглядел меня. – Со студентами не всегда просто, особенно когда вы сами не сильно старше их.

Я внутренне сжалась, понимая, как я, должно быть, покраснелась от быстрой пробежки по лестнице. Этот невольный румянец не добавлял мне преподавательской представительности.

– Спасибо, Анатолий Степанович, с сессией пока справляюсь, – сказала я, пытаюсь выровнять дыхание. – На нашей кафедре студенты достаточно добросовестные, приятно работать.

– Рад, рад слышать! Но, конечно, не без исключений? – он многозначительно подмигнул. – Я слышал, вы уже успели отправить одного юношу на пересдачу. Строгость – прекрасное качество, без неё, к сожалению, мы не сможем воспитать юное поколение, однако не лучше ли сначала использовать пряник, а уже потом кнут? Уж поверьте моему опыту. Тем более что молодой человек, как мне рассказывали, подаёт надежды, верно?

– Какой молодой человек? – удивилась я. Я не помнила, чтобы отправляла на пересдачу кого-то ещё, кроме того хамского парня.

– Преображенский, конечно же. Виктор. Я слышал о нём много положительного от самого ректора, – Анатолий Степанович расплылся в своей самой слащавой улыбке.

– Вы, наверное, что-то путаете, – я задумчиво закусила губу. – Он прогульщик и бездарь, почти не ходил на лекции. Вот, у меня тут есть журнал посещаемости, сами посмотрите, – я начала растерянно рыться в сумочке, думая, что такого уникального я могла упустить в этом Викторе.

– Послушайте, Кира, – Анатолий Степанович убрал с лица дурацкую улыбку, снял очки и потёр переносицу. – Виктор очень одарённый молодой человек,

племянник профессора Преображенского, автора нескольких учебников по истории и методологии языкознания. Вы, наверное, просто его не разглядели.

Я вспыхнула, начиная понимать, к чему он клонит. Предательский румянец стал только ярче. Я потупилась, но не хотела так просто сдаваться.

– Если он такой одарённый, то пусть придёт на пересдачу и ответит хотя бы на один вопрос! – тихо, но чётко сказала я, разглядывая свои пальцы. Не могла поднять глаза на декана. Мне было неудобно и противно.

– Вот как мы с вами поступим, – Декан сделал вид, что не расслышал меня. – Вы поставите ему четвёрку, и он к осени сдаст письменную работу по вашему предмету.

– Работу он, конечно же, напишет сам? – я не могла удержаться от усмешки.

– Кира, вам нравится работать в нашем дружном коллективе? – в его тоне не осталось дружелюбия. Он медленно выдвинул ящик стола и достал какую-то папку. – А то у нас тут много соискателей на вашу должность. Вот, сами посмотрите, – он разложил передо мной несколько десятков резюме и отошёл к окну.

Я ещё в студенческие времена заметила эту его любовь к театральности – декан задавал каверзный вопрос и отходил в сторону, оставляя человека наедине с проблемой. Какая деликатность! Повисла пауза, отчего движение секундной стрелки на часах в тишине казалось оглушительным.

– Мне нравится тут работать, – я не смотрела на лица людей с фотографий, ненавидя всю эту комнату с доской его достижений, дурацкими картинами и хрустальной фигуркой совы – подарком какого-то успешного выпускника, участника игры «Что? Где? Когда?».

– Значит, мы поняли друг друга? – Анатолий Степанович вернулся на место и вновь надел очки. Одним движением он убрал талантливых соискателей на место, запирая их в своём столе. Потом посмотрел на меня и продолжил:

– Сегодня в 15:00 Виктор придёт на кафедру со своей зачёткой. Подождите его.

Не говоря ни слова, я выбежала из кабинета. Сейчас было 12:40. Мне нужно ждать этого придурка ещё два часа! Я была вне себя от негодования. Какая несправедливость! Мои губы были плотно сжаты, я быстро шла по коридору, размахивая руками. Внутри себя я проигрывала возможные варианты ответов декану, колкие фразы, которые нужно было бросить в него. Один вариант лучше другого! Какая же я мягкотелая и безвольная! Всю жизнь мне приходилось иметь дело с мажорами, которые вытирали об меня ноги, а я даже ничего не могла возразить.

От злости мне захотелось выкурить сигарету, хотя последние несколько месяцев я успешно боролась с этой дурной привычкой, появившейся у меня ещё в подростковом возрасте. Я решила купить сигареты, и, конечно же, у меня потребовали паспорт. Его у меня не было, и я предложила преподавательское удостоверение. Но парень продавец только развёл руками – мол, не положено. Я выглядела очень молодо, особенно без косметики, и в кроссовках вполне могла сойти за незадачливую старшеклассницу. Прекрасно! Мой день становился всё более чудесным. Я решила пойти в укромную курилку для преподавателей – она находилась в закутке, во внутреннем дворе нашего кампуса.

Придя туда, я угостилась сигареткой у знакомого с исторической кафедры. Он ушёл, а я осталась в одиночестве, надела наушники и стала придумывать пост, который опубликую в своём блоге в «Лайв Журнал». Я вела блог уже пять лет, и последнее время он становился достаточно популярным. Я всегда обожала литературу, находила в писательстве отдушину. Хоть и не верила, что когда-то смогу стать известным автором, поэтому блог вела скорее для себя.

Приехав в Москву семь лет назад, я была так одинока, а книги и литература всегда помогали мне пережить тяжёлые времена. Это была моя вторая личность, свободная и остроумная, вольная и гибкая. И, конечно же, защищённая вымышленным именем. Она могла говорить, и никто не имел права её заткнуть. Начинала я с остроумных заметок о Москве, об организме города, о его мышцах и артериях, скелете и мозге. И о нас – микроскопических клетках, из которых состояло это могучее тело. Мы рождались, жили и умирали в нем, встраиваясь в ткани этого монстра, а он даже и не замечал нас, переваривая и выплёвывая отработанные части. На место отработанных уже спешили новые, стекаясь к сердцу города с площади трёх вокзалов.

Я не любила современных авторов, предпочитая им проверенных временем. Мёртвые писатели стали моими друзьями ещё со школьных времён. Именно они

помогли мне вырваться из своего маленького города и поступить в столичный вуз. Они были моими старыми боевыми товарищами, проверенными и удобными. Приятно знать, что ты обладаешь всей полнотой творений автора, можешь изучить его, углубиться в него. Он никогда не преподнесёт тебе неприятных сюрпризов – он ведь уже умер. Я любила изучать не только их творчество, но и жизнь. Творчество не может быть правильно понято без контекста жизни.

Я вспоминала своих любимых писателей и предвкушала, кого из них прочитаю, когда вернусь сегодня домой, когда внезапно ощутила, что кто-то находится рядом со мной. От энергетики этого человека по моей голове пробежались мурашки.

Я открыла глаза и увидела напротив себя мужчину. Он был интересный, ничего не скажешь. Весь вид его источал некую бунтарскую небрежность. Мне сразу бросились в глаза причудливые завитки татуировок, которые подобно рукам покрывали его крепкие руки. Волосы у этого мужчины были тёмными и взъерошенными. Они спускались на лицо, создавая яркий контраст с острыми серыми глазами. Я поёжилась под его оценивающим взглядом и стала с преувеличенным интересом изучать собственные ладони. Я не смогла рассмотреть его подробно, так как привитое с детства правило не пялиться на незнакомых людей так плотно укоренилось в моём подсознании, что при встрече взглядом с незнакомыми людьми, особенно с привлекательными, я сразу опускала глаза. Я лишь успела отметить его строгий тяжёлый взгляд, блуждающий по мне. Мне вдруг стало неуютно, мои щёки предательски вспыхнули, и я поёрзала на скамейке, пытаюсь принять нарочито расслабленную позу.

Однако мужчина явно игнорировал правила этикета и продолжал нагло рассматривать меня, цепко и остро. Почему-то мне всегда казалось, что если незнакомые люди рассматривают меня, то это значит, что в моём внешнем виде что-то не так. Я постаралась припомнить, в каком состоянии пребывали мои волосы, и не застряло ли что-то в зубах.

Я осмелилась ещё раз посмотреть на мужчину. Он что-то говорил мне, а я, конечно же, не слышала его из-за наушников. Я сняла наушники и сказала:

– Извините, не расслышала вас, – мой голос прозвучал как-то неестественно высоко, поэтому я откашлялась.

– Я говорю, не рано ли тебе курить, девочка? Тебе сколько лет? – проговорил мужчина хрипловатым голосом.

Я подняла на него глаза и отметила лёгкую усмешку на его тонких губах. Он как-то косо скривил их, и непонятно было, что это значит – издевку, веселье или агрессию.

– Мне есть восемнадцать, – пробурчала я. Как же все достали сегодня моим возрастом! Декан, с его покровительственными вопросами, продавец сигарет, а теперь ещё и этот тип. – Я вообще-то преподаю в этом университете, – зачем-то добавила я и, сказав это, сразу поняла, как по-детски это, должно быть, прозвучало. Будто я кичусь своей должностью.

– Серьёзно? – он поднял брови в притворном изумлении. – Крутая у тебя, должно быть, работа! Важная! – он затянулся сигаретой. – А почему тогда выглядишь, как мелкая школьница?

Я смутилась и потупила взгляд. Спорить было бесполезно, особенно сегодня, когда моя одежда не отличалась элегантностью.

– Смешно представить, как ты там пищишь своим студентам, стоя у доски в большой аудитории. Наверное, никто с задних парт и разобрать не может твоей болтовни, – он расплылся в улыбке, как будто сделал мне комплимент. Я заметила, что в уголках его глаз появлялась лёгкая паутинка морщинок, когда он улыбался. Он был явно старше, чем обычные студенты, но на преподавателя он был тоже не похож. Интересно, что он тут забыл?

Я делала вид, что его тут нет, продолжая разглядывать ногти, и только дурацкий румянец выдавал мои чувства.

– Я вообще считаю, что ошибкой человечества было допустить женщин к наукам, а тем более разрешить им преподавать, – небрежно продолжал мой новый знакомый. – От этого все демографические проблемы, упадок в Европе, который скоро придёт и к нам, – он смачно плюнул на землю.

Выкинув окурочек под ноги, мужчина продолжил:

– Как там говорят? «Лучшее для женщины – быть босой, беременной и на кухне»? Хотя лично мне больше нравится вариант, если она босая и в моей постели, – сказав это, незнакомец пошло подмигнул мне, будто намекал на более интимное продолжение нашего знакомства.

Меня прямо захлестнуло негодование. Я сжала кулаки, поднялась и бросила в него недокуренной сигаретой.

– Знаешь, что мне было бы интересно? – гневно сказала я. – Посмотреть, что такой неотёсанный мужлан, как ты, говорил бы, стоя за кафедрой в аудитории! Уверена, ты настолько тупой, что и двух слов связать не сможешь! Чёртов сексист!

Я круто развернулась, успев заметить, как его губы сжимаются в тонкую линию, а брови стремительно сдвигаются к переносице.

Не дожидаясь, пока он опомнится, я бросилась ко входу в соседний корпус университета, весьма довольная собой. Я улыбалась себе, пока обдумывала свои слова. Этот идиот, с его рваными джинсами и татухами, вряд ли обладал хотя бы подобием интеллекта!

Я шла по коридорам, мысленно продолжая нашу перепалку. Пока я придумывала ещё сто и один способ унижить высокомерного засранца, мне навстречу хлынул поток студентов. Они взволнованно и с энтузиазмом обсуждали что-то. Девушки хихикали и игриво бросали взгляды то в одну, то в другую сторону, как будто высматривали кого-то в толпе. Наверное, мероприятие какое-то? Я увидела знакомую преподавателя с кафедры русской филологии.

– Анна Павловна, добрый день! Что тут у вас творится? – я оглядела коридор и человек сто студентов, толпившихся около входа в актовый зал. Большинство из них были хихикающие девушки, весело толкавшие друг друга в бок.

– Кира, добрый день! У нас тут помешательство! – улыбнулась преподаватель. – Сегодня в нашем университете даёт лекцию популярный писатель Кирилл Миронов. Знаете такого?

– Анна Павловна, я не особенно увлекаюсь современной прозой, – я озадаченно почесала висок. – Не думала, что наши студенты так хорошо разбираются в

современных русских авторов. Почему такой ажиотаж? – я окинула взглядом коридор.

– Ах, Кирочка, я думаю, что любовь к литературе тут не на первом месте! – Анна Павловна вздохнула. – Дело в том, что этот писатель достаточно популярен в светской тусовке. Он эксцентричен и даже эпатажен. Привлекает внимание к своей персоне всеми возможными способами, что, конечно же, положительно сказывается на продажах его книг. Если у вас есть время, можете пойти со мной, послушать кумира молодёжи. У меня лишний билет в первом ряду.

Я посмотрела на часы. Оставалось ещё чуть больше часа свободного времени.

– С удовольствием, Анна Павловна, составлю вам компанию, – сказала я с улыбкой. Ну что ж, оценю современное искусство.

Мы зашли в зал, уже битком набитый людьми. Это был просторный актовый зал, недавно отремонтированный. Его использовали для различных массовых мероприятий. Я проследовала за своей знакомой к нашим местам в первом ряду. Погас свет, и шёпот сотен голосов стих. Я думала о том, каким образом этому модному писателю удалось собрать тут столько людей. Он не известный актёр, не певец, не телеведущий. Почему стольким молодым девушкам не терпится на него посмотреть? Я начала немного переживать, что моё место было на первом ряду. Ведь прямо во время его лекции мне придётся уйти, так как нужно встретиться с этим Преображенским, поставить ему оценку и забыть уже об этой неловкой ситуации.

Погружённая в свои мысли, я перевела взгляд на сцену и увидела мужчину, выходящего под бурные аплодисменты. Внутри всё похолодело, а сердце забилось так отчаянно, будто я пробежала марафон, в тот момент, когда я разглядела уже знакомые рваные джинсы, небрежную футболку и руки в татуировках. Это был он, сексист из курилки.

Глава 2

Кирилл

Последнее время все чаще думаю о нерациональности своей жизни. Конечно, какая может быть последовательность и рациональность в моем творчестве,

когда оно, являясь единственным смыслом моей жизни, схватило меня за самое горло, причем так крепко, что порой не вздохнуть?

Оно диктует мне, как я должен поступать, вынуждая на отчаянные действия.

Периодически так хочется вырваться из этого яростного захвата и вздохнуть полной грудью, взять под контроль свою жизнь! Ведь так и должны поступать настоящие мужчины. Но я не мужчина, я писатель.

Я сидел в небольшой комнате, которая, видимо, выполняла роль гримерки в актовом зале университета. Я так давно не возвращался в родную альма-матер. Прошло уже пятнадцать лет с того момента, как я со скандалом ушел из этого опостылевшего «дома знаний». Классическое образование, с его напыщенными лицемерными преподавателями, было мне противно. До сих пор помню, как мой научный руководитель орал мне в спину: «Ты никто! А без диплома ты так и останешься никем!».

Мне нравилось разрушать чужие планы. Я знал, что талантлив, но, по всей видимости, мне всегда не хватало немного лизоблюдства, чтобы закрепиться в обществе.

Каково же было мое удивление, когда мой агент позвонила мне месяц назад и озвучила предложение ректора прочитать лекцию студентам! «Нашим студентам будет очень интересно послушать молодого талантливого писателя, который когда-то учился в стенах нашего вуза. Я уверен, вы их вдохновите», – передала мне слова Его Святейшества ректора МГУ Алина, мой агент.

Я сначала отказался, но, по мере того как извращенная литературная хватка стала все крепче сдавливать горло, я решил согласиться. Конечно же, я пришел сюда не вдохновлять молодых и задорных студентов. Я преследую свои цели. Или цели преследуют меня.

Я посмотрел на себя в зеркало. Когда я думал о предстоящей работе, на моем лице возникало какое-то нездоровое маниакальное выражение. Руки стиснуты в замок до побелевших костяшек, губы плотно сжаты в тонкую линию, на скулах играют желваки. Черт, иногда я сам себя боюсь!

Иногда мне кажется, что я схожу с ума. Каждый человек хоть раз в жизни задается этим вопросом: «Все ли со мной в порядке?». Но, откровенно говоря, мне похер.

Я уже давно переступил все возможные рамки и останавливаться теперь не собираюсь. Если цена моему таланту – психическая невменяемость, то я уже сполна заплатил по этому счету. Не я первый, не я последний.

Когда-то давно я заглянул в свою бездну, и когда она посмотрела в ответ, то поглотила меня целиком, без остатка.

Я провел рукой по лицу и попытался выкинуть из головы непрошенные размышления. Уметь абстрагироваться, иметь дом для мыслей с множеством комнат, чуланов и даже подвалом, где можно расчленить и спрятать труп, – вот оплот творца.

Нужно всего лишь взять свои сопротивляющиеся мысли за волосы, протащить их по коридору памяти в заранее заготовленную темную комнатку без окон, бросить на диван, а потом быстро выйти и захлопнуть дверь. Закрыть на ключ и уйти.

До начала лекции оставалось примерно полчаса, я решил выйти и покурить. Я вышел через запасной ход, чтобы не привлекать к себе ненужного внимания.

Еще со студенческих времен я знал одно укромное место и решил пойти именно туда, надеясь, что там я буду один: хотел сосредоточиться.

Но я ошибся. Там сидела какая-то девчонка. Ее глаза были закрыты, в ушах – наушники. Русые волосы в беспорядке, как будто она только что пришла с урока физкультуры.

Робкие лучики майского солнца освещали ее белое – нет, даже бледное – лицо. Кожа казалась очень тонкой и нежной. Интересно, она везде такая бледная? Мне захотелось представить, как легкий румянец трогает эти фарфоровые щеки в ответ на мое прикосновение. Да, сосредоточиться эта картинка не помогает.

Я продолжал наблюдать за девочкой. Она сидела в расслабленной позе, прислонившись к стене. Контраст с бордовым кирпичом за ее спиной делал ее кожу неестественно светлой, даже сероватой.

Она выглядела как девушка со старинной картины, фон которой уже немного потрескался и потемнел, а краска поблекла. Из-за этого контраста бледно-серое лицо казалось слишком ярким и оттого еще более притягательным.

И тут моя незнакомка затянулась сигаретой. Это прозаичное действие разрушило весь образ. Невесомая невинность дамы с картины испарилась, и теперь я видел в ней лишь очередную простушку в кроссовках и джинсах. Меня начала раздражать ее глупая мечтательность, и захотелось вернуть ее на землю так же резко, как и она только что оборвала мое минутное любование.

Я решил испытать ее терпение, не особенно напрягаясь, чтобы выдумать что-то изощренное, просто бил словами наугад. Что в наши дни может безотказно вывести из себя девушку? Конечно, посягательство на святая святых – женское достоинство, феминизм и прочую херню.

Мне было приятно смотреть, как покорно она выслушивает мои колкости. Покорность весьма необычна для современного молодняка. Захотелось во что бы то ни стало исследовать ее лимиты. Как далеко я могу зайти, чтобы ей стало невыносимо? Во что бы то ни стало мне нужно получить хоть какую-то ответную реакцию! Поистине виктимное поведение женщин само притягивает агрессоров.

С любопытством трехлетнего ребенка я пытался дойти до грани, у которой мне скажут: «Все, дальше нельзя». Так где же она, эта грань?

Я ее нащупал, когда выдал откровенную пошлость. Тогда моя незнакомка вспыхнула, открыла свой бледно-розовый ротик и поставила меня на место – как она думала! Да, малышка, это было забавно!

Меня одновременно развеселила и взбесила эта ее несколько театральная выходка с сигаретой. Конечно же, она тут же решила сбежать от меня. Еще одна ошибка неопытных зверят – пытаться убежать от хищника. Побег жертвы рождает непреодолимый азарт погони. Но сегодня ей повезло, я не буду преследовать ее.

Ухмыляясь, я потушил сигарету и неторопливо вернулся в свою душную гримерку. Там меня уже дожидалась Алина. Пришла проверить, готов ли к своему номеру ее цирковой конь. Мой агент – единственная женщина, чье присутствие в своей жизни я могу терпеть.

– Кирилл, ты готов? – спросила она, не отрываясь от экрана своего смартфона.

– Конечно, босс, – я умышленно сделал ударение на последнем слове.

– Слушай, давай в этот раз без глупостей. Помнишь прошлое интервью на первом канале? Вот так делать не надо! Всем будет лучше, если ты будешь вести себя хорошо. Помнишь, что говорил декан? Давай без матерщины и пошлостей, ладно? – она оторвалась от телефона и требовательно посмотрела на меня поверх своих очков. Потом оглядела с ног до головы и поджала губы. – Я же тебе говорила, не надевай эти джинсы с дырками! У тебя что, нет денег на приличную одежду?!

– К службе на благо Отечества готов! – я приложил открытую ладонь к виску, будто отдавая честь.

– Это важный шаг в твоей карьере, Кирилл. Признание научным сообществом твоих заслуг на литературном поприще очень важно. Было бы здорово, если бы тебя позвали преподавать в этот университет. Это придаст твоей заднице серьезности. Возможно, твое творчество даже включат в учебную программу. Там, глядишь, и до Букеровской премии недалеко, – она заговорщически подмигнула мне.

Я знаю, она пытается манипулировать моим писательским эго. Не виню ее. Со мной бывает непросто.

Алина ушла, оставив меня одного. Я последний раз посмотрел на себя в зеркало и улыбнулся своему отражению, пытаюсь запомнить, с какой улыбкой я выгляжу располагающе, а с какой больше напоминаю маньяка на первом свидании с жертвой. Выбрав нечто среднее, вышел на сцену. Пошел себя продавать.

Я уже не первый раз был на сцене, поэтому не чувствовал себя скованно. Я знал, что могу расположить к себе аудиторию, периодически вставляя относительно безобидные шутки в свою лекцию по современной литературе.

Даже не будь я харизматичным, скандально известным автором, бедным студентам все равно было бы интересно. Они так привыкли томиться в душных аудиториях, внемля старым занудным хрычам, бубнящим себе под нос скучный бред о мертвых писателях.

А в моем творчестве жизнь бьет ключом. Пусть и неприглядная, но завораживающая своей откровенностью жизнь. Мое творчество словно проститутка, которая до поры до времени прикидывается девственницей, стыдливо прячется и прикрывается, пока ты не срываешь с нее остатки одежды и не проникаешь в ее плоть, чтобы ощупывать, исследовать этот невыразимый жар, скрытый внутри. Тогда шлюха раскрывается и уже сама начинает умело засасывать тебя.

Тебе одновременно противно и любопытно. Когда любопытство перевешивает, ты уже не можешь оторваться от этой порочной плоти, желая все глубже и глубже проникать в нее, познавать каждый сантиметр кожи, раскрывать каждую тайну.

Однозначно мои книги как ненасытная шлюха: однажды попробовав, уже не хочешь возвращаться к скромным авторам, которые так заводили тебя еще недавно.

Моя лекция подходила к концу. Я отыскал глазами Алину. Она довольно улыбнулась. Я улыбнулся ей в ответ: «Вот видишь, я был хорошим мальчиком, я сдержался», – мысленно сообщил ей.

Закончил я выступление под бурные овации. Встал декан, произнес приторную речь и предложил перейти к «Вопросам и ответам».

Я оглядел аудиторию. Студенты были возбуждены и явно заинтересованы. Один молодой человек с копной черных волос встал и задал вопрос:

– Литературные критики называют вас новатором. Скажите, что вы подразумеваете под жанром «брутальный реализм», изобретение которого вам приписывают журналисты?

– «Брутальный» – от английского слова «brutal», что значит «зверский, жестокий, отвратительный». Мне кажется, слова «брутальный» и «жизнь» – синонимы, так как наша реальность часто ставит нас в коленно-локтевую позу и объезжает до изнеможения и боли в затекших конечностях. Если говорить о реализме, то да, я могу писать лишь о том, что пережил сам. Для меня это единственная реальность.

Паренек сел. Встала девушка и, заливаясь краской, выпалила:

– Ваши романы содержат много жестокости и злости. Вы так видите мир?

– Правда в том, что творчество – это боль. Слова – это боль. Они проникают в тебя и живут своей жизнью, ты просто стараешься не шевелиться, пока они берут контроль над твоей личностью. В итоге уже не ты у руля. Ты – пассажир своего тела, безвольный и обреченный на долгое странствие. Твой корабль несется по волнам слов, а ты только молишься, чтобы он не разбился о скалы.

Следующий вопрос от милашки в третьем ряду:

– Ваш второй роман «Ревность» вышел год назад. Скажите, скоро ли мир увидит вашу новую работу? О чем будет этот роман?

– Я думаю, что очень скоро вы сможете его прочитать. Пока не могу сказать больше. Таинство творчества... – я многозначительно подмигнул ей.

Милашка села, немного недовольная отсутствием подробностей.

Блондинка из середины зала задала вопрос с места:

– В чем вы черпаете вдохновение?

– В алкоголе и женщинах. Я вдохновляюсь многоликостью жизни. Вдохновение – опасная тварь, которая любит адреналин и дурную компанию.

Я наслаждался, видя, как блондинка смущенно отводит взгляд.

Парень откуда-то сбоку поднял руку:

– Кто ваш любимый писатель?

– Это все равно что спросить у меломана: «Какая твоя любимая музыка?». Керуак, Миллер, Буковски... Вам огласить весь список?

Он продолжил, явно не удовлетворившись моим ответом:

– Дайте совет начинающим авторам. С чего начать, о чем писать?

– Если вы не знаете, о чем писать, то не могу вам помочь. А совет дам: лучше не пишите. Это может поглотить вас. Если вы еще хотите жить своей жизнью, беззаботной и простой, то не вступайте на этот путь.

Взрослая женщина, видимо, преподаватель, тоже решила взять слово:

– Вы признавались, что сами испытали многое из того, через что проходят главные герои ваших романов. Скажите, считаете ли вы, что опыт писательства сродни актерскому опыту? Вы примеряете на себя маски разных людей?

– Актеры ничего не создают, они лишь воплощают в жизнь те образы, которые создали для них писатели. Писатель как Бог, он истинный творец жизни.

Следующий вопрос прозвучал от хмурой брюнетки в середине зала. Она даже не потрудилась встать:

– Герои ваших романов не очень хорошо относятся к женщинам. Разделяете ли вы сами подобное потребительское отношение в реальной жизни?

– Лучше спросите об этом у моих бывших. Я уважаю выбор женщин и не делаю ничего, что они сами не разрешают мне делать с ними, – и гадко ухмыльнулся брюнетке в лицо.

В зале слышались сдавленные смешки. Я встретился с недовольным взглядом декана. Старый пердун, для тебя это слишком? Ну что ж, ты сам меня сюда пригласил. Мысленно показал ему средний палец. Уже хотел перейти к следующему вопросу, скользнул взглядом по аудитории и тут увидел ее. Мелкая

сидела в первом ряду, втянув голову в плечи, – наверное, хотела казаться незаметной. Но теперь я ее заметил. Бледное лицо в темноте. Моя луна в ночи.

– Если говорить о выборе женщин, – решил я продолжить ответ на последний вопрос, – то сразу могу сказать: какого черта? Никакой логики нет и не может быть в их действиях. Если вы хотите управлять женщиной, то никогда не пытайтесь воздействовать на нее с позиции здравого смысла. Это бесполезно, – я произнес это, глядя только на нее, не отводя взгляда, даже не мигая. – Женщина может ненавидеть вас всем разумом и одновременно хотеть всем телом. Воздействовать нужно на ее эмоции и чувства – именно они в итоге всегда одерживают верх в ее внутреннем споре. И женщины, конечно, не виноваты. Сама природа наградила их этим защитным механизмом. Главная цель женщины, биологическая установка, если хотите, – продолжить род. Для этого нужно выбрать самца, который сможет защитить ее, быть сильнее нее, подчинить, если нужно. И как только женщина встречает такого самца, инстинкты берут верх над разумом. Он гипнотизирует ее, не дает убежать, – я продолжал неотрывно смотреть на нее. Некоторые люди в аудитории заметили мой интерес и начали поворачиваться и искать объект моего внимания. – Но если вы не альфа-самец, то всегда можете просто заплатить. Женщинам это тоже придется по вкусу, – я ехидно усмехнулся мелкой в лицо.

До этой фразы она как замороженная смотрела на меня, а теперь часто заморгала, покраснела и опустила взгляд. Чары спали. Я продолжил:

– Мужчины хотят покорности, а уж каким именно способом они ее добьются, каждый выбирает сам.

Вспомнил репетицию перед зеркалом в гримерке и решил, что маниакальная усмешка сейчас как раз подходит для завершения образа. Но моя маленькая луна не смотрела на меня. Она встала, повернулась ко мне спиной и направилась к выходу. Какого черта?! Убегаешь от меня уже во второй раз? Я еще с тобой не закончил!

– К сожалению, не все женщины разделяют мои предпочтения. Вот видите, девушка, наверное, испугалась и решила спастись бегством, – проговорил я.

Теперь взгляды всех в зале были прикованы к моей незнакомке. Послышались смешки и веселый шепот. Я специально выдерживал паузу, чтобы не только я

мог насладиться ее капитуляцией.

Но в этот раз она так просто от меня не уйдет, я разыщу эту девчонку. Хищник вышел на охоту.

Глава 3

Кира

Поспешно покидая актовый зал, я пыталась унять рвущееся наружу сердце. О, боже! Что это было?!

Я очутилась в тишине пустого коридора. Мне казалось, что неистовый стук сердца о грудную клетку набатом разносится по помещению. Попыталась перевести дыхание и рассеянно побрела к выходу. Каждый шаг давался мне с трудом. Ноги стали ватными и непослушными.

Мне необходимо было оказаться наедине с собой. Больше всего хотелось забраться под одеяло и больше никогда оттуда не вылезать.

Как я теперь смогу смотреть в глаза собственным студентам, которые стали свидетелями моего эпичного унижения?

К сожалению, я не могла все бросить и отправиться домой. Ведь мне еще нужно было поставить незаслуженную оценку тому нагловатому студенту.

Выйдя из главного корпуса, я направилась в сторону нашей кафедры. Взяв ключ от свободной аудитории на вахте, быстро взбежала по лестнице на третий этаж. Молодой человек уже поджидал меня возле кафедры.

– Добрый день, Виктор, – поджав губы, произнесла я.

– Добрый, Кира Петровна, – бросил парень с довольной ухмылкой.

Мы вошли в помещение, и я бросила свои вещи на преподавательский стол. Парень уселся напротив. Он достал зачетку и протянул мне. Я взяла ее и, повернувшись к нему спиной, оперлась о стол.

Прошлый раз в его зачетке не было ни одной оценки. Но сейчас я изумленно ахнула, увидев пятерки и четверки по всем экзаменам в сессии. Какого черта?! Неужели ему удалось сдать все остальные предметы?

Я поспешно поставила ему четверку и вернула ему зачетку.

– Ну вот, – лениво протянул Виктор. – Это было не так уж сложно?

– Что, простите? – я почувствовала, как мои щеки заливаются румянцем.

– Говорю, приятно иметь с вами дело, – парень расплылся в противной ухмылке. – Надеюсь, в следующем году у нас больше не возникнет таких недоразумений.

Я вскипела от гнева! Да кем он себя возомнил?!

– Надеюсь, что в следующем году ты вынешь голову из задницы и сможешь ответить хотя бы на один вопрос! – заявила я.

С удовлетворением наблюдала, как вытягивается его лицо. Как же меня достали наглые хамы, которые думают, что им все позволено!

– Сдай ключ на вахту, – я бросила на стол ключ. – У тебя на это хотя бы хватит мозгов? – и не дождавшись ответа, гордо покинула аудиторию.

Придя домой, я ходила из стороны в сторону, не зная, чем себя занять. Какое-то смутное беспокойство продолжало терзать меня.

Образ развязного писателя снова и снова возникал в голове. Когда волосы падали ему на лицо, он запускал в них руку и небрежным жестом отбрасывал их назад. От этого, казалось бы, обыденного жеста все внутри сладко сжималось.

Мне почему-то тоже хотелось дотронуться до них... Пыталась рассмотреть узоры его причудливых татуировок на крепких руках. Интересно, зачем он их сделал?

Продолжая думать об этом странном и пугающем человеке, я легла в кровать. Сон никак не шел, и я долго ворочалась под одеялом, пытаюсь выкинуть из головы его привлекательное лицо, жесткую усмешку, холодные серые глаза...

Я снова бегу сквозь зеленые заросли. Все мои мысли сейчас лишь о том, как скрыться от опасности, от льва, который гонится за мной по пятам. Все вокруг зеленое, будто это видео, снятое с фильтром из соцсети. Постепенно становлюсь все меньше и меньше, ноги вязнут в густой растительности. Почему мне никогда не удастся убежать? Совершая отчаянную попытку вырвать запутавшиеся ноги, падаю и понимаю, что лев сейчас прыгнет на меня сзади. Оборачиваюсь и зажимаюсь перед его прыжком. Он догнал меня, как и всегда.

Я проснулась.

Этот сон я вижу периодически, начиная с двенадцати лет. Уже в мельчайших подробностях знаю, как и что должно в нем произойти, но чувство страха никогда не покидает меня.

Взяв смартфон, я взглянула на время. Сейчас пять пятьдесят утра. Легла обратно, но знала, что больше не смогу заснуть. Почему я увидела этот сон сегодня? Конечно же, виной тому мое небольшое приключение с нахальным писателем. Теперь я его именно так и называю про себя – «писатель». Странно, но, при всей моей любви к литературе, по отношению к нему это слово звучит, скорее, как ругательство.

Я вспомнила вчерашний день, и мое тело покрылось мурашками. Какой позор! Нужно было сразу покинуть лекцию, как только я его узнала, тогда я не дала бы ему возможности прилюдно унижить меня перед моими же студентами.

Но, как только увидела его, предательское любопытство, казалось, пригвоздило меня к месту. В его речи было что-то гипнотическое, завораживающее.

Да, он умел увлечь публику. Словно опытный фокусник, он с помощью слов заставлял мои внутренности сжиматься от предвкушения, жаждать разгадки и ни на минуту не дал отвлечь внимание от своей персоны. Старалась вжаться

поглубже в кресло и быть незаметной, опускала лицо ниже, разглядывая свои ладони, чтобы его острый взгляд не смог уцепиться за меня.

Но эти ухищрения не помогли. Он все равно разглядел меня и с самодовольной усмешкой продолжил унижать, как будто мы и не уходили из курилки.

Что ж, пусть радуется: он добился своего, а я сбежала, трусливо поджав хвост. Во второй раз.

Как он посмел так со мной обращаться?! Чем я так привлекла его внимание? Мне казалось, будто по моей душе проехался целый состав груженого товарняка. Единственным утешением было то, что я больше никогда не увижу этого хамоватого типа.

На душе было гадко, и я решила заняться единственным делом, которое могло принести мне хоть немного облегчения – своим блоггом.

Сама я себя писателем не считала. Это слово было слишком претенциозным. Мысленно называть себя блоггером было, как мне казалось, куда скромнее и более компромиссно.

Там, на просторах Сети, я могла быть кем угодно. Изливать душу и чувства, не опасаясь последствий. Это было подобно игре, в которой каждый ребенок может примерить разные роли: сегодня ты волк, завтра – овца, когда-то – отец большого семейства, в другой раз – капитан пиратского корабля.

И когда тебе надоедает игра, ты просто говоришь всем, что мама зовет домой, и выключаешь компьютер.

Я усердно работала, не замечая, как быстро летит время. Постепенно тревожные мысли покинули меня, и я полностью отдалась творчеству.

Почему «писатель» говорил, что слова – это боль? Писательство всегда исцеляло мою душу, поэтому я никак не могла согласиться с его мрачным восприятием самого приятного для меня процесса.

Полностью сосредоточившись, я не сразу услышала, как звонит телефон. Бросила растерянный взгляд на входящий звонок и увидела номер декана.

Ну что еще ему нужно? Теперь попросит поставить Преображенскому пятерку?

– Да, Анатолий Степанович, я вас слушаю.

– Кирочка, доброе утро! – декан был в прекрасном настроении. – Я видел вас на вчерашней лекции. Вам понравилось выступление Миронова?

– Ну... было интересно... – пролепетала я, краснея. Но декан продолжал, не обращая внимания на мое замешательство:

– Вы знаете, у нас чудесная новость! Миронов согласился преподавать на нашей кафедре! Я даже не надеялся на такую удачу! У нас как раз нехватка преподавателей для курсов «Creativewriting», а агент Миронова сегодня подтвердила его готовность занять эту позицию. Как прекрасно! Молодой и, что главное, успешный автор привлечет множество студентов, поднимет престиж нашей кафедры. Конечно же, не то, чтобы мы нуждались в этом, но, как говорится, нет предела совершенству. Многие известные люди, деятели науки и искусства, преподавали на моей кафедре. Теперь вот и Миронов пополнит их ряды, – проговорил декан с гордостью коллекционера, ставящего на полку очередной редкий экземпляр.

– М-м-м... да, звучит интересно, – согласилась я.

– Да, Кирочка, я вам очень обязан! Спасибо огромное! Я никогда не забуду ваш вклад в развитие нашей кафедры! – лил елей мне в уши декан.

– Не за что, Анатолий Степанович, – о чем он говорит? Опять об этом Преображенском? Он так рад, что я поставила оценку этому бездарю? Мне казалось, он уже забыл об этом инциденте из-за своего нового успешного приобретения.

– Итак, когда мы сможем, наконец, встретиться и обсудить учебную программу, зарплату и утрясти все формальности?

– С кем встретиться? – теперь я вообще ничего не понимала.

– С Мироновым, конечно! – и декан нетерпеливо продолжил. – Вы же сами его уговорили на эту работу. Мне сегодня все рассказал его агент, не нужно скромничать, Кира. Я вам очень признателен.

– Я что сделала? – хорошо, что мы говорили по телефону, и он не видел ужас в моих округлившихся глазах.

– В общем, Кира, я жду вас как ассистента Миронова сегодня днем на кафедре. Он тоже придет, и мы все вместе обсудим стратегию развития нового направления в учебной программе.

Я опустилась на стул. Голова шла кругом, я ничего не понимала. Что ОН задумал?!

– Я... я сегодня никак не могу! Я... э-э-э... я должна проверить экзаменационные работы третьего курса, – я понимала, как глупо это звучит, но это единственная отговорка, которая пришла мне на ум. – Дайте ему другого ассистента. Я уверена, многие будут рады.

– Я уже предлагал ему других, более опытных, не обижайтесь, Кира. Но он согласился только при условии, что это будете именно вы. Сказал, что вы – старые знакомые. Уж мне, Кира, вы могли бы рассказать о вашем знакомстве, ни к чему скромничать. Откуда вы его знаете? – и декан перешел на заговорщический шепот.

– Он – мой дальний родственник, дядя моего двоюродного брата, седьмая вода, как говорится, – что за бред я несу?! Я встала и начала ходить из стороны в сторону. – Я его с детства знаю, – молчание декана в трубке заставило меня врать дальше. Не могу же я рассказать ему, как послала его драгоценного автора в курилке. – Я его в детстве называла «дядя Кирилл», – о боже! Надеюсь, ему хотя бы больше тридцати лет, иначе весь этот бред о родстве даже отдаленно не похож на правду. – Он меня с горки катал, помню. Но потом я его лет пятнадцать не видела, – заткнись, Кира, просто заткнись! Я зажмурилась и замолчала. Не умею врать – меня всегда выдает румянец. Даже на экзаменах в университете по этой причине не списывала, однокурсники еще надо мной смеялись.

– Кирочка, теперь все встает на свои места! Понятно, почему научный руководитель так хвалит вашу диссертацию. Литературный талант у вас в крови! Вы, случайно, больше ни с кем из известных писателей в родстве не состоите? – засмеялся он над своей же шуткой.

– Нет, что вы! – у меня вырвался вздох облегчения. Он поверил в мой бред про «дядю Кирилла».

Мы с Анатолием Степановичем обменялись еще несколькими любезностями. В итоге он поставил меня перед фактом, что встреча с моим «родственником» состоится сегодня днем на кафедре. О боже! В какую игру «писатель» пытается меня втянуть?

Глава 4

Кира

Я прибыла на кафедру на полчаса раньше назначенного времени и все оставшееся время нервно и бесцельно бродила по коридору возле кабинета декана. Но вот наконец-то дверь открылась, и секретарь позвала меня внутрь.

Меня любезно пригласили присесть за большой стол для переговоров, предложили чай, кофе и даже торт. Но мне кусок в горло не лез. Не понимаю, как преступники в камере смертников с удовольствием едят свой последний ужин, зная, что через несколько часов простятся с жизнью? Может быть, дело в каком-то смирении или раскаянии? Они понимают, что заслужили казнь. Но я ничего плохого не сделала, поэтому смириться с неизвестностью мне было очень нелегко. Зачем я нужна «писателю»? Что я ему плохого сделала? Я чувствовала себя ягненком из басни Крылова, который с ужасом спрашивает волка, чем заслужил быть съеденным, а волк отвечает ему: «Ты виноват уж тем, что хочется мне кушать». «Сказал и в темный лес ягненка поволок».

Но, как говорила героиня моего любимого фильма «Красота по-американски»: «I refuse to be a victim»

. Поэтому я собралась с духом, готовясь взглянуть в лицо опасности. «Нет, я не буду жертвой, не буду...», – повторяла про себя я эту мантру, пытаюсь в нее поверить.

Внезапно послышался звук открывающейся двери, и я сжала край стола с такой силой, что костяшки побелели.

– О, вот и вы! Проходите, присаживайтесь, – Анатолий Степанович указал на место напротив меня. – Мы с Кирочкой вас уже ждем.

– Спасибо, мне удобнее будет тут, – Кирилл подошел к месту рядом со мной и сел на стул.

Чувствовала, что не смею сдвинуться с места. Почему я инстинктивно боюсь его? Он же ничего не сделает мне, пока с нами Анатолий Степанович.

– Ну, привет, Кирочка, – он сделал ударение на моем имени. Я чувствовала на себе его взгляд. От ощущения его близости у меня тряслись коленки.

– Здравс... то есть привет, – почти шепотом проговорила я, не поднимая глаз.

– А я сегодня узнал от Киры, что вы родственники! – радостно сообщил декан. – А она скрывала, представляете?!

– Конечно, она никогда не любила открывать козыри сразу, – я почувствовала усмешку в его голосе.

– Да, она мне рассказала, каким заботливым дядей вы были в детстве. Катали ее с горки, гуляли с ней, когда она была ребенком. Я не знал, что у вас есть родственники в Самаре.

– Да, мы с племянницей были очень близки, – в отличие от меня, «писатель» врал с легкостью. Конечно, это же его хлеб – выдумывать истории. – Она была моей любимой девочкой, хоть и тем еще сорванцом! Когда она плохо себя вела, мне приходилось ее наказывать. Вы же знаете детей, без кнута их не воспитаешь достойными людьми, – он улыбнулся, потом протянул руку к моему лицу и потрепал меня по щеке.

От его внезапного бесцеремонного прикосновения я густо покраснела, вся кровь прилила к месту прикосновения его пальцев к моей коже.

– Но я надеюсь, что ты, Кирочка, меня давно простила за вынужденные воспитательные меры? Смотри, какая ты теперь самостоятельная девочка! И преподаешь в университете. Горжусь племянницей, – он продолжил похлопывать меня по щеке, как собаку, которая радостно виляет хвостом и ждет похвалы.

Я не могла вымолвить ни слова, даже руку его убрать не могла, меня будто парализовало.

– Да, мы гордимся Кирой Петровной, ее кандидатская диссертация подает большие надежды, – вставил слово Анатолий Степанович.

Неужели только мне происходящее кажется ужасно неприличным и полным двойного смысла?

– Ну что ж, давайте обсудим наш контракт, – было видно, что декану уже не терпелось перейти к делу.

Я была благодарна ему как никогда, потому что Кирилл нехотя убрал руку от моего лица и переключил внимание на Анатолия Степановича.

Они обсуждали суть учебной программы, количество рабочих часов и число студентов, которые смогут посещать лекции, и прочие официальные вещи.

Я не могла сконцентрироваться на нюансах, и, слава богу, их не особенно волновало мое мнение, так как мне не задали ни одного вопроса. Через час декан, наконец, произнес:

– Кирилл, я очень рад, что мы так быстро пришли к пониманию по всем вопросам. Вы готовы сегодня подписать контракт?

– Конечно! – проговорил Кирилл своим хриловатым голосом, опять поворачиваясь вполоборота. – Но у меня еще есть условие: мне нужно, чтобы мы официально закрепили за мной мою ассистентку. Дело в том, что ее услуги мне

понадобятся немного раньше, чем начнется учебный год. Я бы не хотел, чтобы моя любимая племянница работала бесплатно.

– Я понимаю вас! – с воодушевлением произнес декан. – Конечно, мы готовы предоставить вам ассистентку прямо сейчас. Но скажите, в чем срочность?

– Я сейчас как раз начал работу над новым романом, и мне нужна личная ассистентка, что-то вроде секретаря, – он развёл руками. – Найти ассистента с хорошим литературным вкусом сейчас очень сложно.

– Я уверен, Кира не будет против, тем более что такая практика будет ей очень полезна в профессиональном плане, – Анатолию Степановичу явно не терпелось заполучить новый трофей в свою коллекцию, и небольшая жертва с его стороны казалась весьма незначительной.

– Да, уверен, Кира сможет многому научиться за это лето, – ухмыльнулся Кирилл.

– Конечно, конечно! Я прямо сейчас попрошу отдел кадров внести изменения в ее трудовой договор.

– Приятно иметь с вами дело, Анатолий Степанович, – Кирилл поднялся с места и протянул ему руку, потом повернулся ко мне. – Я тебе позвоню, мелкая. Передавай привет родне, – его тонкие губы искривились в ухмылке.

Я подняла на него взгляд впервые за время встречи. Сегодня он выглядел так же небрежно, как и вчера: те же джинсы, та же недельная щетина.

Его небрежность ярко контрастировала с деловой отглаженностью Анатолия Степановича. Кирилл провел рукой по своим темным волнистым волосам и подмигнул мне. Потом быстро повернулся и ушел.

Когда у нас в России отменили крепостное право? Видимо, в нашем университете, основанном в тысяча семьсот пятьдесят пятом году, сохранились не только учебные традиции того времени.

Я чувствовала себя вещью, которую только что удачно продали. Хлопок закрывающейся двери как стук молотка лицитатора на аукционе: «Лот продан мужчине в серой футболке в третьем ряду...».

Как так вышло, что я ничего не решаю в своей собственной жизни? Здравствуй, дивный новый мир!

Я отказываюсь быть жертвой, – перевод с англ.

Глава 5

Кира

Он позвонил лишь спустя два дня. Все это время я толком не могла ничем себя занять: настороженность, любопытство, решимость и страх сменяли друг друга, как в калейдоскопе. Мне кажется, я никогда не испытывала столько эмоций одновременно. Они роились в голове, жужжа и сталкиваясь. Целый улей жалящих чувств!

Иногда я была как студент в первую сессию – напряженной и натянутой, как струна. В другое время – как молодой воин перед битвой: возбужденной и решительной. Именно эта неизвестность и полная зависимость от Миронова больше всего беспокоили меня. Они поселялись в теле где-то под ребрами, не давая вздохнуть полной грудью. Мне казалось, что Кирилл намеренно выжидает, пытается меня неопределенностью. Или, быть может, я все придумала себе, и ему на самом деле просто нужен секретарь – кофе там приносить, ездить в редакцию с рукописью, отвечать на звонки... Чем обычно занимаются ассистенты?

Я честно пыталась отвлечься, звонила друзьям: бывшим одноклассникам и приятелям с кафедры. Как-то раз, когда мне стало совсем сложно справиться с собой, я решила, наконец, пойти и купить его книги. В конце концов, я даже не знала, почему все так хвалят этого самодовольного нахала. Я без труда нашла

его романы в разделе современной русской прозы – для них в магазине был отдельный стенд. Приятная продавщица книжного неторопливо сложила мою покупку в фирменный пакет магазина и пожелала мне хорошего дня. Я подумала, что, если моя научная карьера не удастся, я всегда могу пойти работать в книжный магазин, – тут уж точно меня не будут домогаться всякие сомнительные личности.

Вышла из магазина и уже направилась к ближайшей станции метро, как вдруг зазвонил телефон. Незнакомый номер.

– Алло, – ответила я, чувствуя, как ком в груди стремительно поднялся куда-то в область горла.

– Привет, Кира, – я сразу узнала его хриловатый голос.

– Привет, – сказала я, пытаюсь унять беспокойство, от которого теснило грудь.

– Мы встречаемся с тобой завтра в восемнадцать ноль-ноль. Адрес я пришлю тебе позже. Надень кроссовки и не опаздывай, – тон его был по-деловому сухим.

– Хорошо.

– Ты уже читала мои книги? – внезапно спросил он.

– Э-э-э... да... то есть вот как раз купила, – я зачем-то вытянула руку, в которой держала пакет с книгами. Как будто он мог увидеть мой жест!

– Не читай их. Пока. Я узнаю, если ты будешь непослушна, – ледяная угроза слышалась в его голосе.

– Ладно, как скажешь, – я старалась, чтобы мой голос звучал безразлично, будто бы мне и не очень-то этого хотелось. Будто я вовсе не сгорала от любопытства.

Через несколько часов мы встретились около Парящего моста на набережной. Это было прекрасное место, особенно когда зажигались фонари, и их свет отражался на поверхности Москвы-реки. Кирилл уже ждал меня. Я была насторожена, так как место располагало к романтике. Чувствовала себя

натянутой струной, готовой лопнуть от одного прикосновения. Писатель улыбнулся при виде меня:

– Молодец, что пришла вовремя! – его челка развевалась на ветру, отчего она казалась еще длиннее. – Послушай, мне кажется, мы начали наше знакомство неправильно, – он смотрел мне прямо в глаза.

Каждый раз при взгляде на него я инстинктивно ощущала опасность. Хотя сегодня он и решил надеть маску деловой доброжелательности, меня было не так просто лишить бдительности.

– Давай отныне будем придерживаться сугубо деловых отношений, Кира.

Мне было неожиданно приятно слышать, как он называет меня по имени. Писатель протянул руку:

– Ну что, мир?

Я пожала его ладонь, теплую и шершавую. Он несколько дольше, чем следовало, удерживал мою руку в своей, как будто принимая какое-то решение. Потом быстро выпустил ее и за всю прогулку больше ни разу не смущал меня изучающими взглядами.

Он был забавным и остроумным. Сперва он рассказал, как впервые оказался на этой набережной двадцать лет назад без гроша в кармане и ему пришлось ночевать прямо тут под мостом в течение месяца.

– Да ладно! – не поверила я.

– Seriously, – грустно улыбнулся он своим воспоминаниям.

– Сложно поверить, – я обвела взглядом его брендовые вещи. – Просто ты выглядишь таким... – и запнулась, подбирая слова. – Таким успешным.

Кирилл поднял на меня серьезный взгляд.

– Это всего лишь вещи, – он на секунду замолчал, потом добавил: – От успеха твоя сущность не меняется. Все самое важное у тебя вот тут, – он показал пальцем на мой лоб. – Тысячи миров в твоей голове. Разве не это больше всего привлекает в личности?

Я промолчала. Конечно, легко ему рассуждать теперь об истинной важности внутреннего мира, когда сам он уже добился успеха.

Все остальное время Кирилл держался немного отстраненно и по-деловому, но мне было совсем не скучно. Мы болтали о разных вещах, с ним я чувствовала себя достаточно легко – не так легко, как с подружкой или мамой, а, скорее, как с интересным преподавателем из университета. Он вел себя со мной несколько покровительственно и, казалось, знал обо всем на свете. Его кругозор поистине был достоин энциклопедии. Я ожидала от него чего угодно, кроме этого светского высокоинтеллектуального общения. Оно сильно контрастировало с его brutальной и несколько небрежной внешностью.

Так начались наши почти ежедневные встречи. Он звонил и в приказном порядке назначал место и время. Писатель не терпел опозданий, поэтому я обычно приезжала за двадцать минут до назначенного времени. Надо отдать ему должное: сам он тоже никогда не опаздывал. Кирилл всегда называл эти встречи «общением», хотя я чаще всего чувствовала себя как на экзамене.

Несмотря на сдержанное дружелюбие с его стороны, я постоянно ощущала давление. Он проникал в мою голову своими дерзкими и прямыми вопросами. Поначалу наши разговоры порхали над темами, лишь иногда задевая крыльями более глубокие слои. Мы говорили обо всем и ни о чем конкретно. Так незаметно Кирилл узнал обо мне практически все, касаясь своими вопросами все более личных тем, – сначала совсем легко, потом настойчивее. Теперь он знал мою краткую биографию, любимую еду, тему моей научной работы и даже мой адрес. С какой-то маниакальной настойчивостью он выпрашивал меня обо всем на свете, и я терялась в догадках, чем вызван такой голодный интерес к моей персоне. Зачем ему знать столько о своей ассистентке?!

Я тоже пыталась узнать его, но он всегда переводил разговор на другую тему. В нашем общении не было никакого сексуального подтекста, он держался подчеркнуто по-деловому, что, конечно же, не мешало мне любоваться его серьезным лицом, точеным профилем и задумчивыми глазами.

Был один странный нюанс, который поначалу не давал мне покоя. Кирилл всегда давал четкие указания по поводу моей одежды и внешнего вида. Сначала он говорил что-то типа: «сегодня надень кроссовки», «распусти волосы» или «будь в платье», но очень скоро он начал подробно описывать то, в чем я должна явиться на «общение».

Вначале меня это жутко раздражало. Мне казалось, он относится ко мне как к ребенку, не воспринимает как личность. Но потом я смирилась и стала даже радоваться его инструкциям, так как все мои мысли были постоянно заняты другим, и на заботу о внешности не оставалось ни времени, ни желания.

Когда мы заходили перекусить в кафе или ресторан, он придерживался той же тактики: делал заказ за нас двоих. В первый раз я удивилась, когда официантка протянула мне меню, а он забрал его у меня, сказав с ухмылкой: «она будет то же, что и я». Наверное, мне нужно было тогда сразу расставить все точки над «i», но я не решилась с ним спорить и промолчала.

Не знаю, почему так получилось. Это сложно объяснить с точки зрения логики. Наверное, потому что ничего логичного или уж тем более здравого в нашем с Кириллом общении не было. Это было на уровне энергетики. Он действовал на меня как удав на кролика. Мысленно я вела с ним ожесточённые дебаты, а в реальности... В реальности я была непозволительно уступчивой.

Несколько раз мы встречались в картинных галереях, где он любил долго и упорно стоять возле одной-единственной картины, молча и пристально изучая ее. В такие моменты мне казалось, что он вообще забыл о моем присутствии, и я начинала отвлекаться и рассматривать других посетителей музея. Но потом, в самый неожиданный момент, он задавал мне вопрос или давал задание. Например, как-то раз мы стояли в Третьяковской галерее около картины Флавицкого «Княжна Тараканова» так долго, что мышцы в моих ногах начали затекать. Я уже всерьез начала думать, что Кирилл забыл обо мне, как вдруг он повернулся ко мне:

– Опиши мне постель под ногами княжны. Создай словесный образ, чтобы я почувствовал цвет, запах и грубую ткань под пальцами.

От неожиданности я не нашлась, что ответить. Мне нужно было несколько минут на раздумья. Но он счел мое замешательство за предательскую

невнимательность и сказал:

– Не отвлекайся, девочка. В тебе нет глубины, – он ударил меня этими словами, отчего пелена непрошенных слез заволокла глаза. Кирилл как ни в чем не бывало продолжил:

– Ты знаешь, что фамилия Таракановы – это фамилия незаконнорожденных детей императрицы Елизаветы Петровны? Женщина на картине, скорее всего, самозванка, выдававшая себя за княжну. Она страдала психическими расстройствами, но все равно представляла угрозу для Екатерины Второй, поэтому была заключена в Петропавловскую крепость, где и умерла при неизвестных обстоятельствах. Флавицкий выбрал самую ужасную легенду ее смерти. Подвалы Петропавловской крепости затапливало во время весеннего половодья, и, согласно одной из легенд, она утонула в своей тюремной камере, – он остановился и помолчал несколько минут.

– Посмотри на выражение ее лица, – продолжил он. – Это лицо человека, обладавшего некогда положением в обществе, властью, но потерявшего все это по собственной глупости. От бывшего величия – лишь роскошное платье, подчеркивающее контраст с убогой обстановкой. Если приглядеться, то видно, что пол уже покрыт водой. Крысы в попытке спастись залезли на кровать княжны. Посмотри на ее лицо. Она бессильно прислонилась к стене. Как думаешь, какие эмоции отражает выражение ее лица?

– Трагическое смирение? – тихо предположила я.

– Да, это в характере женщин – смиряться перед неизбежностью. Интересно, каково потерять в жизни все – друзей, работу, деньги и власть – во благо некой высшей цели? – я увидела в его глазах одержимый блеск.

С тех пор он начал давать мне «домашние задания». Иногда он хотел от меня невозможного: прочитать за сутки роман какого-то писателя в восьмьсот страниц, или переписать окончание главы романа, или всю концовку.

Порой он просил меня выучить наизусть отрывок из прозы или поэму, а потом заставлял декламировать ему прямо на улице, в людном месте.

Еще никогда в жизни я не работала так усердно, ночами просиживая над книгами и учебниками. Его знания о писателях и литературе были более обширными, чем у меня, преподавателя английской литературы МГУ.

Я привыкла узнавать о романах из критических статей и учебников, которые и формировали мое мнение о них. Кирилл же требовал от меня отбросить все мои знания и сформировать свой собственный «нюх» на искусство.

Я оставляла всего несколько часов в день на сон. Писатель никогда не хвалил меня, зато часто тыкал носом в мои «косяки» и недоработки.

Через три недели я начала замечать, что перестаю различать день и ночь, так как все время провожу дома в работе.

По какой-то причине мне безумно хотелось утереть ему нос, стереть с его лица самодовольную ухмылку и заслужить хоть немного одобрения.

Я сидела как проклятая над бесконечными заданиями и постепенно начала понимать, что полностью растворяюсь в мире, который он мне навязывает. Он подчинил мой разум, постоянно бросая моему эго все больший и больший вызов.

Я не могла не думать о нем даже в редкие минуты свободы – во время походов в магазин или уборки. Я постоянно ловила себя на мысли, что веду с ним внутренний диалог.

Пытаюсь предугадать его ответы и придумываю заранее заготовленные фразы и колкости, которые должны его поразить.

Я не встречалась с друзьями, не звонила маме и даже забыла о дне рождения подруги.

Хоть в отношении Кирилла ко мне не было и намека на сексуальный интерес, я чувствовала, что он затрахал мой мозг до изнеможения.

Наше интеллектуальное общение начало все больше походить на поединок: прямое давление с его стороны и пассивная агрессия с моей. Я постоянно ощущала жуткое, почти физическое неудовлетворение.

Мое самолюбие не давало мне прыгнуть с этой иглы – я вспоминала его слова в курилке, когда мы впервые встретились: «голая, босая и на кухне».

Нет, дорогой босс, я не доставлю тебе удовольствия сломать меня! Я покажу, на что способна. Меня бесило, когда он высокомерно называл меня «девочкой». Как будто я и не женщина вовсе, а так, девчушка-хохотушка.

Одновременно с нарастающим раздражением я начинала чувствовать сильную зависимость от него. Мои подруги все настойчивее стали зазывать на встречу и искренне не понимали, почему я просто не пошлю «писателя» куда подальше.

Сначала я пыталась объяснить им, рассказывала о наших интеллектуальных сражениях, но вскоре увидела, что им становится скучно, когда я завожу свою песню.

Поэтому я перестала вдаваться в подробности нашего общения, все больше отдаляясь от близких мне людей. Мне, в свою очередь, стало неинтересно слушать об их бесконечно сменяющих друг друга парнях и планах на отдых.

Вскоре наше общение достигло минимума. Я нарочно будто бы отгородилась от всего прочего мира, выстроила стену, чтобы ничто извне не могло помешать мне одержать моральную победу над Кириллом.

Я не заметила, как это произошло, но через какое-то время я уже чувствовала острую потребность в наших встречах. Мой мозг разогнался до небывалых пределов, и теперь мне просто необходимо было поддерживать эту скорость.

Тем сильнее я чувствовала одиночество в те дни, когда Кирилл пропадал. Это случалось периодически и без предупреждения. Бывало, что он не звонил и не писал несколько дней, в то время как я сгорала от безделья и напряжения.

Какая-то странная тоска нападала на меня в дни вынужденного одиночества. Я лезла на стену, не имея возможности увидеть его, услышать звук его приятного уверенного голоса.

Он стал наркотиком для моего мозга, и я дико нуждалась в дозе. В такие дни я становилась жутко раздражительной, не хотела ни с кем общаться и срывалась

на всех, кто попадался под руку.

Раньше я всегда считала себя уравновешенным человеком, но теперь со мной творилось что-то нездоровое.

Когда мы встречались после трехдневной разлуки, я очень остро чувствовала напряжение между нами. Если Кирилл случайно дотрагивался до меня, поддерживал за руку, или наши пальцы встречались на корешке очередной книги, которую он мне давал, мне казалось, что заряды тока проходят по моей коже.

Я с трудом подавляла желание удержать его руку или самой дотронуться до него. Все тело покрывалось мурашками, а соски предательски вставали под майкой.

Я очень надеялась, что он не замечает моего помешательства, но с каждым днем скрывать его становилось все сложнее и сложнее.

Как-то раз мы задержались в парке до позднего вечера. Было ветрено. Тогда Кирилл снял с себя джинсовую куртку и надел мне на плечи. От его прикосновения к моим рукам даже через плотную джинсовую ткань в голове все затуманилось.

Я почувствовала странную тяжесть внизу живота. В это время писатель о чем-то меня спрашивал, поэтому моя минутная слабость не смогла укрыться от него. Он лишь ухмыльнулся и пощелкал пальцами перед моим лицом:

– Сосредоточься, девочка. Не отвлекайся, – он с насмешкой посмотрел в мои полуприкрытые глаза.

О боже! Он все понял и теперь смеется надо мной! Мои щеки вспыхнули. На секунду мне показалось, что выражение его лица немного смягчилось. Но он тут же продолжил говорить о том, на чем мы остановились.

Весь оставшийся вечер я была сама не своя и тайком вдыхала аромат его куртки, когда он отворачивался или увлеченно рассказывал о чем-то.

Мне казалось, он тренирует меня или, вернее сказать, дрессирует.

Натаскивает, чтобы я могла с легкостью отыскать скрытый смысл любого произведения искусства.

Он унижал, оскорблял меня или просто игнорировал в случае неудачи и соглашался, если я была на правильном пути.

Фраза «да, согласен с тобой» стала наивысшей похвалой для меня. Что он делал со мной? За каких-то полтора месяца я превратилась из вполне довольного жизнью преподавателя и блогера в вечно нервную, неудовлетворенную и озабоченную... Так кем же я стала?

Глава 6

Кирилл

Узнать ее имя оказалось совсем не сложно. На самом деле она сама дала все карты в руки. Малышка сказала, что она преподаватель. Я зашел на сайт университета и нашел ее в нужном разделе. Девочка смотрела на меня с фотографии своим робким и наивным взглядом.

Я и не надеялся, что мне так быстро повезет отыскать объект для своего нового исследования. Но, мать твою, повезло необычайно! Девочка была не просто невинной овечкой, она оказалась настоящим ценителем литературы.

Тогда, в кабинете декана, я с трудом сдерживался, чтобы не выказать свою истинную заинтересованность, но мне нужно было сдерживаться до поры до времени, чтобы не спугнуть мою нежную пташку.

Женщины всегда хотят того, чего не могут получить, поэтому мне не составило труда зародить в этой наивной душе искренний интерес к своей персоне.

Она не была похожа на тех женщин, с которыми я обычно имел дело, – слишком робкая, слишком пугливая и слишком доверчивая.

Я чувствовал себя охотником, который следует по пятам за прекрасной молодой ланью. Терпеливо наблюдал, как она пряталась в зарослях, выжидал, пока пойдет на водопой.

Искал подходящий момент, чтобы выпустить в нее свою стрелу. Мне нужно было ранить ее душу, обездвигить волю, чтобы потом подобрать не сопротивляющееся тело и отнести к себе в хижину.

Несколько раз я всерьез думал отменить свой дьявольский план, однако ее доверчивость и слепая наивность разожгли во мне такое адское пламя, что я уже был не в силах его потушить.

Смотрел на ее чистое, правильное и такое сосредоточенное лицо, робкие губы, послушно пересказывающие строки поэмы.

Разглядывая ее нежный розовый ротик, я гадал, какого цвета ее другие губки, те, что скрыты от меня под одеждой. Такие же розовенькие и невинные?

Интересно посмотреть, как они, наливаясь возбуждением, начинают краснеть. Представляя все это, я прикрывал глаза от удовольствия, стараясь сохранить невозмутимый вид.

Моя маленькая послушная ассистентка и не догадывалась, какая порочная тьма скрывается в ее новом боссе.

Мне нравился ее упрямый вздернутый носик, задорно взмывающий вверх, когда она осмеливалась поднимать на меня взгляд.

Не мог понять, почему сердце сжималось от непонятного трепета, когда я видел ее, спешащую мне навстречу, возбужденную от предстоящего общения.

В такие моменты я мысленно одергивал себя, не давая странным новым ощущениям завладеть моим разумом.

Я пытался показать ей изнанку искусства, его требовательность и неумолимость, то, как оно полностью поглощает тебя и требует постоянной верности.

Все искусство как балет: прекрасно в конечном варианте, но пропитано кровью и болью в потемневших от мозолей ступнях.

Однако моя маленькая луна не хотела так быстро сдаваться. С упорством ребенка, который запомнил из чудачковатого мультфильма, что Париж находится в Африке, отстаивала свою точку зрения. «Искусство освобождает», «прекрасное лечит», «литература воспитывает душу» – такими тривиальными обывательскими идеями была заполнена ее хорошенькая головка.

Когда я слушал ее рассуждения, руки чесались наклонить ее прямо в парке и отшлепать по полной программе, чтобы доходчивее объяснить свою точку зрения, но я сдерживался как мог.

Иногда мне казалось, что она чувствовала некую тьму во мне, в моих глазах. Возможно, поэтому она периодически прерывалась на полуслове в своих рассуждениях, зябко ежилась и обхватывала себя обеими руками, будто желая отгородиться от меня.

Тогда мы оба замолкали: я – пытаюсь урезонить свои темные начала, а она... Она, наверное, инстинктивно боялась меня. И моим демонам это нравилось, не буду скрывать.

Иногда мне казалось, что она вот-вот сломается и сама отдастся мне в руки.

В последние недели я начал замечать, как она украдкой разглядывает меня. Как нервно облизывает губы, когда я невзначай дотрагиваюсь до нее.

Делал вид, что она меня совсем не интересуется, втайне фантазируя о том, что вскоре позволю себе сделать с ее мягким и податливым телом.

Я знал, что мое показное безразличие только еще больше раззадоривает ее. В прошлом я пользовался такой тактикой слишком часто, чтобы теперь не разглядеть зарождающийся огонь желания в ее чистых, небесного цвета глазах.

Во время наших встреч этот упрямый ангелочек отчаянно пытался внушить мне уважение к своей персоне. К моему удивлению, у нее это получалось. Я отдавал должное ее уму, проницательности и литературному вкусу.

Конечно, этого я ей никогда не показывал, ведь цель моего с ней общения заключалась вовсе не в дружеских встречах.

Я должен был проникнуть в ее разум, прочно укрепиться там, стать ее внутренним голосом. Чтобы она, приходя в художественную галерею, театр, кино или просто читая книгу, невольно задавалась вопросом: «А что скажет на это он?».

Мне хотелось, чтобы она вела со мной внутренние диалоги, оказалась под влиянием моей личности. Для этого требовалось полностью вытравить из нее ту уютную размеренную жизнь, которую она вела до нашего знакомства.

Все шло хорошо, но порой мой внутренний писатель пытался бороться со мной, демоном, которого он сам пустил за руль. Это выливалось в трехдневную разлуку.

Просто не мог видиться с ней в те дни. Я был похож на сумасшедшего: ходил по квартире и громко спорил сам с собой. Успокоиться мне чаще всего помогали алкоголь, случайный секс и запрещенные вещества.

Когда очередная снятая мною шлюшка послушно ласкала опытным языком мою затвердевшую плоть, я закрывал глаза и представлял себе лицо Киры. Эти чистые голубые глаза, покорно смотревшие из-под опущенного бархата ресниц.

Фантазировал, как нежные яблочки ее щечек трогает пунцовый румянец, когда она скользит маленькой ладошкой по моему члену. Черт, этого хватало для моментальной разрядки!

После того как я брал «правильного» писателя обратно под контроль, мы продолжали наши встречи. И они с каждым разом становились все более напряженными.

Всего за пару месяцев наших регулярных встреч я начал чувствовать какую-то странную, навязчивую потребность в ее обществе.

В такие минуты начинал бояться глубины собственной одержимости.

Последние несколько недель я больше не мог думать ни о ком, кроме нее. Уже и забыл, каково это – быть настолько поглощенным какой-то идеей.

Ведь виной моему наваждению был только корыстный творческий интерес.

Конечно, иначе быть не могло! Каждый раз, когда во мне просыпалась некая чрезмерно чувствительная бесхребетная натура, я отчаянно убеждал себя в этом.

Как-то раз, когда мы задержались на какой-то выставке, я провожал девчонку до стоянки такси. Приглушённые блики ночных фонарей подсвечивали ее задумчивое бледное лицо.

Я посмотрел на нее гораздо дольше и внимательнее, чем того требовали обстоятельства. От порыва прохладного ветра она зябко поежилась и обхватила себя руками. Тогда я снял с себя куртку и набросил ей на плечи.

Электрический разряд пронзил меня, когда я дотронулся до нее. Девочка томно прикрыла глаза и, облизав сладкие губы, слегка приоткрыла их.

В штанах все вмиг затвердело. На секунду я представил, что мог бы сейчас дотронуться своими губами до ее розовых лепестков, нежно и мягко.

Проникнуть в ее горячий влажный ротик языком и исследовать его ласковую сладость. Как же хотелось трахнуть эту мелкую девчонку прямо здесь и сейчас!

Притяжение между нами казалось настолько сильным, что я с трудом поборол желание. Она была рядом, такая нежная и беззащитная. Познать ее было так просто – только протяни руку и дотронься! Знал, что она даже не стала бы сопротивляться.

Моргнул несколько раз, чтобы стряхнуть заманчивую картинку. Девочка все еще стояла передо мной с закрытыми глазами. Ее грудь высоко вздымалась от частых глубоких вдохов.

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: https://tellnovel.com/laff_kira/moy-porochnyy-pisatel

надано

Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: [Купити](#)